

МАГИЯ **ФЭНТЕЗИ**

Анна СТЕПАНОВА

ТЕМНЫЙ МАСТЕР

Роман

Москва, 2014
САРМАДА
&
«Издательство А.П.ФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
С79

Серия основана в 2004 году
Выпуск 517

Художник
В. Успенская

Степанова А. А.
С79 Темный мастер: Фантастический роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2014. — 344 с.: ил. — (Магия фэнтези).

ISBN 978-5-9922-1690-5

Как бы ни был ты успешен в воровском ремесле, рано или поздно не повезет. Вот и от Лай удача отвернулась: жертвы ее очередного подвига оказались далеко не беспомощны, а уж к готовности прощать вовсе не склонны... И теперь страшнейший из темных мастеров — загадочных убийц Гильдии — отправлен по ее душу. И хорошо бы сбежать, да только как скроешься, если прошлое крепко угнездилось за плечами и тянет назад — прямо под нож смерти в черной маске? Прямо в руки к тому, кто искал нахальную воровку, а нашел собственные, давно потерянные воспоминания...

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Степанова А. А., 2014
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2014

ISBN 978-5-9922-1690-5

ПРОЛОГ

Легкий снежный пух запутался в ресницах, ласково коснулся щеки, холодной капелькой побежал к губам, всё еще хранящим тепло его губ, смешался с тоненькой кровавой струйкой, застывающей в уголке рта. Снежные хлопья заплясали вокруг, наполняя собою весь мир. Опустились на кожу, выпивая нежно болезненный жар, пронзивший все естество, когда серебристая острая игла остановила сердце. Замерли в волосах, сплетаясь сверкающей ледяной паутинкой с темными локонами, сливаясь своею белизной с одинокой седой прядью.

Пальцы разжались, не в силах больше удержать его ладоней, и серое низкое небо с улетающим ввысь хороводом снежинок закружилось в угасающем сумраке зеленых глаз. Безысходное темное небо, какое бывает лишь в последний, четвертый, месяц бесконечной северной зимы...

**Глава первая,
в которой происходит кража, а убийцу терзает
любопытство**

Охотник за тайнами — ремесло не из легких. Не всякому искателю приключений оно по плечу. Но уж если ты ловок да удачлив, умеешь изворачиваться да выкручиваться, проныривать и пролезать, способен к тому же постоять за себя, но главное — ноги унести, коли в том нужда, быстро да вовремя, то работенка эта как раз для тебя.

И пусть досужий обыватель отвернется ханжески и назовет тебя «вором», пусть презрительно скривит губы благородный лорд, пусть шлют громы и молнии на твою голову праведные чиновники да благоверные прихожане — рассмейся им всем в лицо. Ибо если и вор ты, — то вор высочайшего класса, потому как добыча твоя не в кошельках да ларцах, не в сундуках зарытых, а в самых недрах людских душонок, в самых темных и грязных, скрытых и тайных их глубинах.

Тяжелые замки, свирепая охрана — четвероногая и двуногая — ничто для тебя, коли истинный ты охотник. Блюстители порядка в бессилии перед тобою разведут руками, а насмешники и гонители твои первыми придут к тебе просить об услуге. И денежки в награду принесут немалые...

Ибо ничто не трогает и не пугает тебя, настоящего охотника. И одному только, не приведите боги, попасться на твоём пути.

Темному мастеру.

Убийце Гильдии, не знающему боли, страха или жалости. Тому, у кого нет лица, нет прошлого — лишь маска да черная одежда, лишь знаки имени, клеймящие пустую, проклятую душу.

Все знают: коли есть у тебя заклятый враг и никакого золота за смерть его не жалко, — подавай прошение в Гильдию. И, если повезет, если выберут твою бумагу среди сотен, если

деньги твои примут, — можешь спать спокойно. Уйти от темного мастера — дело неслыханное! А убить его — и подавно!

Если же случится такое — немалое возмещение спросит Гильдия с заказчика, и вряд ли у того во второй раз прощения слать охота возникнет...

Потому-то и удивлялась так Лая — один из лучших (без ложной скромности!) охотников в Империи, — стоя над мертвым телом второго убийцы. Что ж там за тайна такая — в тяжелом прямоугольном пакете, замотанном в толстое черное полотно и накрепко веревкой обвязанном? Три ночи всего-то прошло, как она пакетик у замороченной охраны умыкнула, а уж второй человек Гильдии по душу ее прийти не постеснялся... Даже не знала Лая, чего сейчас было в ней больше — законного страха или совсем неуместного любопытства.

Но хочешь дожить до счастливой старости — никогда не заглядывай в чужие секреты! Первое правило хорошего охотника. И уж его-то девушка усвоила давно и накрепко...

«Пусть лучше Реми с этим разбирается», — благоразумно и чуточку злорадно рассудила она, спеша убраться из зловонного, скользкого от помоев и крови переулка, пока кто-нибудь из местных обитателей не вылез на звуки недавней потасовки.

«Обычное дельце, ничего особенного!» — ярясь все больше, передразнивала Лая сочный баритон почтенного Реми — постоянного при ее темных делишках советника и посредника, — пока пробиралась городскими трущобами к небольшой, развалившейся от недосмотра часовенке. Там, под одной из плит алтаря, ждал преспокойно ее пакет, издевательски завернутый поверх черной ткани в ярко-желтую бумагу да веселенькой тесемочкой сверху повязанный.

Вспоминалась девушке и охрана усиленная, и амулетики защитные всякие, от которых до сих пор голова болит, и замочки непростые — с ловушками да секретами. И ларец сам очень живо вспоминался, в особенности же — значки на нем странные, подозрительно смахивающие на те, что грудь ныне покойного ее соперника украшали... Ох, нехорошо это было! Чуяла Лая, что вляпалась...

Пакет был на месте, никуда, родимый, не делся, и ровно через час из городских ворот потихоньку вышла женщина в скромном храмовом одеянии, волоча за спиной тяжелую сумку, из которой терпко, почти неприятно, пахло целебными тра-

вами. Под взглядом грязного, страдающего похмельем привратника «монашка» вначале понурилась, но затем затопала вполне бодро, спеша к загородным домишкам, что сгрудились на узкой полоске земли между морем и городскими стенами.

Доблестному стражу у ворот пялиться ей вслед быстро наскучило — он только нос поморщил от резкого травяного запаха, перебившего даже его собственный, и вновь грустно уткнулся глазами в землю. «Храмовых» привратник уже посмотрелся: доходу с них никакого, зато проблем, если что, не оберешься. Купчихи и знать городская без них никак — все лето почтенные имперцы на побережье торчат, тела в целебных песках греют, а эти, в хламидах, им кремы для красоты носят да всякие снадобья.

Когда покосившиеся ворота Крама — грязного портового городишки — скрылись из виду, Лая сменила семенящий монашеский шаг на уверенную, быструю поступь. Вскоре безлюдная, пыльная дорога привела ее к обвалившейся каменной изгороди, а от нее — к порогу неказистого прибрежного дома. Стены его, кое-как слеplенные из морского камня и дерева, утопали в дремучих ветвистых зарослях запущенного сада, а сквозь гравий дорожки давно уже пробивались сорняки.

В доме охотницу, похоже, ждали: не успела она даже как следует забарабанить в дверь, а та уж отворилась, являя взору пожилую даму с отвисшими щеками и брезгливо сжатым ртом. Гостью пустила без особой радости, но и Лая не стала раскланиваться. Не оглядываясь, взбежала наверх, остановившись лишь в знакомой комнатухе — грязной, заваленной вещами, заставленной тарелками со всяческой снедью прямо поверх брошенной с прошлого обеда немытой посуды. Здешнего хозяина и разглядишь-то не сразу — настолько сам он казался частью этого хлама: лысый, расплывшийся на всю ширину немаленького кресла старичок в неряшливом домашнем балахоне.

— А, Лая, девочка! — радостно прогудел он, вытер о полу своего балахона жирные руки и будто попытался даже встать навстречу. — Ну, как там наше маленькое дельце?

Лая молча вытащила из недр сумки пакет и шлепнула на стол перед толстяком, брезгливо сдвинув посуду.

— Дельце оказалось не таким уж и «маленьким», господин Реми! — многозначительно протянула она, скосившись на украшавший толстый палец драгоценный перстенок.

— Ну, в нашем деле всегда нелегко, уж тебе ли не знать, малышка? — понимающе вытянул толстые губы в ухмылке Реми. — Зато и награда очень достойная. В пределах оговоренного, конечно...

— О да! Нож темного мастера — как раз то, о чем мечтает каждая девушка! Не помню только, чтоб это оговаривалось...

Массивные подбородки толстяка встревоженно колыхнулись, глазки остро и опасно впились в охотницу.

— Особенно когда уважаемых господ мастеров двое! — не без злорадства добавила она.

— Двое? — нахмурился Реми. — Два темных мастера? Давно уж о таком не слыхивал...

— Первый — в ту же ночь, а сегодня — второй. Такое вот выдалось веселье!

— Но раз ты здесь, значит, уже все в порядке? — перебил старик. — Сама подумай: кем должна быть обиженная сторона, чтобы позволить себе еще одного темного мастера! Расщепочки в Гильдии ой-ой!

Лая вспомнила странные значки на ларце, но деликатно решила промолчать, сохраняя свое и стариковское спокойствие.

— Ничего, — уже совсем расслабившись, продолжал успокаивать ее и себя Реми, — пакет у нас, передам кому следует поскорее. Награду вдвойне получишь — и забудем обо всех несчастьях, как о сне дурном!

Уверенность толстяка несколько усыпила неприятные Лаины предчувствия. Потому и рассказывать обо всем случившемся принялась она легко, почти весело, как всегда у нее это было заведено.

Но только господин Реми, слушая, все сильнее хмурился да все больше выпытывал:

— Выходит, усиленная охрана? Странная, на обычных стражей непохожая? И на фокусы твои не попалась? А ты подпаивала? Соблазняла? Заморачивала? Глаз отводила, или как там это у тебя называется?

Лая в ответ только плечами пожимала: мол, что я тебе — первый день в охотниках?

— Да еще охранные амулеты сильные, какие в обычной лавке не купишь, — еще больше мрачнел он. — Сундучок с тремя ловушками и замками хитрыми? И хватились в ту же ночь, подмену обнаружили? Не говорю уже о твоих двух...

гм... встречах... Да, о-очень любопытно, что же мы все-таки украли!

«И главное, у кого?» — добавила про себя Лая. Подозревала она, что Реми этим вопросом тоже немало озабочен, но раз молчит — значит, что-то уже надумал и делиться не собирается. Ну и ладно! Она тоже зря болтать не будет!

Как замороженные смотрели девушка и старик на пакет, борясь с растущим любопытством да искушением. Реми очнулся первым. Ткнув толстым пальцем в издевательские тесемочки, прорычал:

— Твоя работа? Остроумно! Еще бы карточку поздравительную прицепила... Все-то тебе шуточки, Насмешница!

Покряхтел недовольно себе под нос, прикладываясь к огромной пивной кружке да аппетитно зажевывая ее содержимое сочной конечностью какого-то местного морского жителя. Выдал примиряюще:

— Ладно, с передачей я сегодня же все улажу. Переночуешь пока у меня. Да тряпки эти монашеские сними — смотреть противно! Я все-таки заслужил немного уважения к своему чувству прекрасного!

Лая ухмыльнулась, кивнув красноречиво на грязный его балахон.

— На служанку мою становишься похожей, — проворчал в ответ толстяк. — В *моем* кабинете я одеваюсь как *мне* угодно!

«Вот уж за сравнение спасибо!» — вспомнив бульдожьё физиономию почтенной Канны, возмутилась Лая, не забыв весело хлопнуть на прощанье дверью хозяйского кабинета.

Час спустя из окна отведенной ей комнатунки девушка с любопытством наблюдала за скрытой плащом человеческой фигурой, опасливо трусящей со знакомой ношей через сад. «Быстро же ты, господин Реми, управился! — думала она с растущим опасением. — Видать, пакетика этого клиент с утра еще здесь дожидался, а ты мне про то ни слова! Ох, хитришь!»

История Лае нравилась все меньше. А тут еще поспешная возня у конюшен! Не иначе, как Реми, старый негодяй, решил убраться поскорее, а ее оставить на съедение. Ладно, его это дело. Каждый сам дрожит за свою шкуру — таково правило. Только вот и ей задерживаться совсем не обязательно. С принесенным ужином давно покончено, полученные в сегодняшней схватке ранения тщательно обработаны лечебным снадобьем, так что остается лишь одеться и выпрыгнуть через

окошко в сад... Проклятье! Кто же додумался посадить здесь эту колючую гадость!

Наступающая тьма скрыла охотницу от посторонних глаз...

Той же ночью желтый пакет попал в руки заказчика, но не успел еще тот изучить его содержимое, как погиб — преждевременно и жестоко, а предмет, ставший причиной стольких несчастий, вернулся к своим законным владельцам. Господин Реми и его верная Канна в это время как раз въезжали в одну захудалую деревеньку далеко к северу от Крама, Лая же повстречалась с третьим убийцей...

— Семерых! Гильдия потеряла уже семерых! Это просто позор! И о чем только мастера думают? — говорил рыжий веснушчатый паренек собравшейся вокруг него группке подростков.

— А чего им думать, за них Гильдмастер думает, — съязвил приятель рыжего.

— ...И, как назло, захворал, — подхватил тот, но компания его не поддержала: наоборот, задергали, зашикали, испуганно отпрянули.

Мальчишка оглянулся, едва не подпрыгнув от неожиданности: за его спиной, на расстоянии шага, застыл высокий человек в темном дорожном плаще — мешковатом от въевшейся грязи, чересчур плотном для нынешней жаркой и сухой погоды. Широкий капюшон плаща был откинут, открывая испуганным ученическим взглядам молодое, почти мальчишеское лицо в обрамлении длинных светлых волос — лицо, обманчиво прекрасное, словно с храмовых светлых фресок, но с жесткой, неприятной усмешкой на безупречных губах.

Лицо, которое любой ученик предпочел бы встретить лишь на портрете в зале для парадных церемоний...

Не то чтобы стоявший перед ними молодой человек имел какое-то отношение к здешним ученическим проблемам. Но слишком уж страшная слава окружала его.

Рыжий побледнел.

Узкие синие глаза заставшего их врасплох юноши вцепились в незадачливых болтунов с неприкрытым, выжидающим интересом. И от этого странного, смущающего взгляда, бесцеремонного и пронизательного одновременно, те съежились, почти втянув головы в плечи.

— Высокий м-мастер Огнезор! — выдавил из себя рыжий. — С возв-ращением!

— Не болтать лишнего — золотое правило здешней жизни! — назидательно заметил тот, мгновенно нацелив свои пугающие глаза на мальчишку. — Вот вы, оболтусы, правил не знаете, и что теперь?

— Что? — заметно напрягся ученик.

— Придется мне вместо заслуженного отдыха искать дежурного наставника, чтоб доложить о вашем прискорбном поведении. — Голос и взгляд юноши уже всюю сочился насмешкой, но «оболтусы» не спешили расслабляться. — А вам теперь, — продолжал мастер, — голову ломать над достойной отговоркой! Тебе вот, рыжий, особенно: я тебя запомнил!

— Как прикажет господин высокий мастер! — уныло вздохнул рыжий, стараясь изобразить раскаяние.

— Ну-ну, — ничуть не поверил юноша.

И вдруг всякое веселье исчезло с его лица.

— Еще хоть слово о Гильдмастере услышу в подобном тоне, — холодно отчеканил он, — язык укорочу!

Ученическая стайка дрогнула, синхронно зажимая ладонями любящие поболтать рты.

— Как прикажет господин высокий мастер, — с трудом удержавшись от того же жеста, тихо, но твердо повторил рыжий, не в силах все же поднять глаз.

Потому и не увидел он, как дернулись напоследок губы мастера в довольной усмешке — услышал только (или показалось?) негромкое хмыканье, когда тот уже неторопливо шагнул к длинной лестнице на верхние этажи, в роскошный, ученикам недоступный мир.

— И надо же было нам именно ему попасться! — нарушив повисшее было молчание, с досадой зашипел рыжий.

— Я слышал, живых после него не остается, — понижая голос до шепота, встрял незадачливый его приятель. — А тебя вот, Огнеглаз, он запомнил...

— Заткнись! — зло перебил тот. — Врут половину! Я сам подмастерью Ледославу байки сочинять помогал!..

— И все-таки жуткий он, — отозвалась тоненькая сероглазая девчушка, все время прятаясь за спиной рыжего. — Красивый, конечно, как и говорят. Но страшный!..

Старший подмастерье Слава, не зная она Огнезора так давно, с мнением своей ученицы, наверное, согласилась бы:

уж слишком ярким представлялось, даже для тщеславной ее души, завораживающее Огнезорово сияние. И дело здесь было даже не в удивительных чертах лица его, не в глазах его странных — то холодно-серых, то бесконечно-синих, не в упительной игре тонких пальцев с острым, смерть несущим лезвием, не в улыбке, умеющей быть такой чарующей. Не столько внешним блеском поражал он неприметную, по-мальчишески худощавую, да еще и стриженную совсем коротко девушку, сколько непревзойденным талантом своим, неизменным во всем успехом. Про таких говорят, что одной они с Первым Богом крови, что подарено всего им щедро и идти им дорогой величия, но и боли нескончаемой, ибо любит их Первый Бог, как детей своих, и ненавидит так же... Давно, еще в пору своего ученичества, исходила за все это Слава на Огнезора злой черной завистью, теперь же восхищалась им безгранично и любить была готова до безумия.

Но казалось, что ему это все равно, будто и не было в загадочном Огнезоровом мире ни зависти тщеславной, ни любви уж тем более — одна только ледяная безупречность, да смерть еще, давно уж ставшая обыденной...

От этого-то безразличия и решилась однажды Слава: пришла да призналась во всем. Прямо говорила, без смущения, почти холодно, словно чувство ее забавной подопытной зверушкой было, предложенной пытливому глазу собрата-ученого.

Огнезор не выказал удивления, лишь досадливо нахмурился. «Я не доложу об этом, потому что ты мой друг, — ответил, даже не взглянув на нее. — Но... ты ведь знаешь правила?» Слава знала. И от подобной реакции ничуть не расстроилась. Наоборот, ей легче даже стало, будто часть ее греха Огнезор на себя взял. С тех пор редкие их совместные ночи — невольная дань извечным инстинктам и одиночеству — навсегда ушли в прошлое. Вот только то, что он невзначай дружбой назвал, осталось. По крайней мере очень хотелось Славе в это верить...

Потому-то, прослышав о возвращении мастера, она без долгих колебаний свернула в Южное крыло большого Общего Дома Гильдии, где находились три его комнаты. По лестнице девушка почти взлетела, вызвав потаенные смешки у пары встречных подмастерьев. У тяжелой двери Огнезоровой комнаты застыла на минуту — затем легко, но решительно посту-

чала костяшками пальцев. Впрочем, стук был скорее данью вежливости.

— Заходи, Слава, — немедленно откликнулся из-за двери знакомый голос. Хозяин здешнего жилища всегда знал, когда и кто приходит...

Обнаружился он в мягком кресле у незажженного камина: ноги вытянуты на холодной решетке, голова устало откинута, глаза закрыты. Дорожные сапоги, плащ и куртка валяются грязной грудой на полу, угрожая белоснежной чистоте длинного коврового ворса.

На гостью Огнезор даже не взглянул.

— И как тебе удается всегда знать, кто за дверью? — приторно возмутилась девушка.

— Бесплезно объяснять. Может, и сама поймешь со временем... Ты что-то хотела?

Он выглядел раздраженным, неприветливым и явно не хотел никого видеть, но когда это Слава считалась с чьими-то желаниями, кроме собственных?

— Вот забежала поздороваться, узнать, как твое задание, — нависая над его креслом, пропела она ласково.

Огнезор поморщился:

— Ну да, зачем я спрашиваю... Не давать мне покоя — это твое призвание, маленькая злючка...

— Еще бы! — ослепительно улыбнулась она.

Глядящие на девушку синие глаза тоже постепенно загорались смехом.

— Садись, раз пришла. Ты и правда хотела спросить о задании?

— Зачем? — искренне удивилась Слава. — Ты здесь — значит «великий мятежник» Парга остался гнить в землях Южного континента. Сложно было?

— Скорее изнурительно, — пожаловался Огнезор. — Месяц в море и почти три — в болотах да лесных дебрях. Солдат Парги скосило лихорадкой уже на вторую неделю. Когда я нагнал их, от всей сотни в живых осталось две трети. Увязался за ними, как обычно, потихоньку убирая оставших. Парга с личной дружиной огрызался дольше всех. Сволочь! Прикрывался чужими спинами до последнего. Вылез бы раньше — сохранил бы людей...

— Подумаешь, наемники! — презрительно скривилась подмастерье. — Толку от них...

— Завидую я иногда твоему цинизму...

— Ты просто устал, вот и думаешь о глупостях. — Она осторожно придвинулась к юноше, коснулась его висков, мягко пробежалась пальцами.

Славе вовсе не хотелось продолжать этот давний, бессмысленный спор.

— Вспомни лучше, сколько ты не спал, Огнезор. Две ночи? Три?

— Да все в порядке, — досадливо вывернулся он из-под ее рук. Резко встал — будто стряхнул с себя слабость, сразу преобразившись. — Лучше скажи мне, о чем толкуют ученики в коридорах Общего Дома? Что случилось, пока меня не было?

— Вот зачем тебе сразу в это лезть! Отдохнул бы с дороги...

— Говори сейчас!

— Ладно, как хочешь! Месяц назад охотница за тайнами украла Малую Книгу Гильдии. Доволен?

На лице Огнезора отразилось изумление, сменившееся неподдельным интересом и... предвкушением?

«Так и знала! — помрачнела Слава. — Когда это он пропустил что-то настолько... интересное? Не зря говорили, что Совет с этим приказом только его и дожидается».

— Уж не знаю, как ей это удалось, — сердито заговорила она. — Мастера возвращали книгу после ежегодной сверки из провинций в столицу, но сюда ее так и не довели: исчезла из гостиницы в Краме. Уже потом выяснилось, кто украл и для кого. Саму книгу вернули дня через четыре, нашлась у одного придворного лорда, не помню имени... Да и не нужно ему больше имя, разве что на надгробии написать... А вот охотница жива: семерых наших людей, зараза, на тот свет отправила!

— О! — восхитился Огнезор. — Так, и что мы знаем о воровке?

По тому, как подобрался он, пружинисто зашагав по комнате, как засветился его взгляд, Слава поняла: дела этого высокий мастер точно не оставит.

— Практически ничего, — уныло вздохнула она, стараясь убедить себя, что довольная Огнезорова ухмылка, блеснувшая при этом ответе, ей просто привиделась. — В гостинице вспоминают девушку лет двадцати — двадцати пяти, вот только точного портрета ее никто дать не может, даже с помощью наших мастеров памяти. Покойному лорду посредником

(небезызвестным в определенных кругах Реми) обещана была некто Лая.

— Лая? — еще больше восхитился Огнезор.

— Ну, Лая, что такого-то? — не выдержав, рассердилась девушка.

— О-о, Слава, почаще бы тебе надо выходить за школьные стены! — поддразнил ее мастер. Задумался на минуту, что-то припоминая, затем напевно продекламировал:

Жирдяй-купец и лорд-наглец
От страха замирают
Над золотишком над своим,
Когда смеется Лая...

— Неужто об этой Лае идет речь? — Он тут же сам выразил сомнение. — До сих пор я считал, что это скорее плод народного воображения, чем живой человек. Слишком уж много подвигов ей приписывают.

— Надеюсь, этот «подвиг» будет последним, — зло заметила Слава. — Тело седьмого мастера, кстати, она оставила прямо под стенами Приемного Покоя Гильдии здесь, в столице. Такое явное издевательство не может остаться безнаказанным! О нас уже куплеты поют на улицах!

К ее негодованию, Огнезор выдал что-то, подозрительно напоминающее смешок:

— Да уж, это шутка, достойная той славы, что идет о ней! Не старше нас с тобой, а уже какое признание у простонародья! Кто же из наших мастеров, интересно, такой талант прохлопал? Пригодилась бы она Гильдии!

Явный восторг от неизвестной этой девушки так раздосадовал Славу, что она тут же решила неприятную тему закрыть при первой же возможности. Но не так-то просто увильнуть от Огнезора: уже через пару минут подмастерье поймала себя на том, что оживленно выкладывает все известные ей подробности ненавистной истории.

— По свежему следу, — говорила она, — воровку в ту же ночь вычислили. Незнакомка, что вертелась вокруг, у охраны еще раньше вызывала подозрение; потом ту же барышню «припомнили», не без нашей помощи, гостиничные девицы, завсегдатаи соседней таверны и хозяин нищего постоялого двора, в котором ее и поймал один из наших. Подмастерье, ка-

жется. Дурак-мальчишка! Думал, если у него способности Разума почти тройка и талант к выслеживанию, то это компенсирует весьма средние боевые навыки... В общем, после первой победы охотница расслабилась, видно не ожидая больше преследования, так что выследить опять ее несложно было. На этот раз за дело взялись двое местных. Тело первого из них нашли в припортовых трупобах, в одном из переулков. У сторожа с кладбища неподалеку вытащили образ женщины в монашеском балахоне, выходящей из заброшенной часовни (бедняга так перепугался этому появлению, что к приходу мастеров уже был в стельку пьян). В памяти привратника тоже смутно отпечатались какая-то монашка, идущая в пригород. Третий убийца нашел ее там. После его смерти поднялись все, кто был тогда в Краме, прочесали городские окрестности. В результате — еще три трупа. Итого шесть. Ну и последний, седьмой, — в столице. Потом след пропал окончательно. А позже говорили...

Когда все факты, что Слава об этом деле знала, закончились, она как-то для себя незаметно и при активном собеседника поощрении перешла ко всяким сплетням да рассказам, которыми происшествие уже обрасти успело, а там — и к желчным замечаниям о некоторых особенно отличившихся «умельцах» из Гильдии. Поистине Огнезор мог разговорить кого угодно!

Вот так и затянулась их беседа до поздней ночи, и не смог ее прервать ни мальчишка-ученик, принесший скромный ужин да немедленно отправленный с запиской в Архив Гильдии за всеми имеющимися о Лае сведениями, ни быстро подступающий к окнам сумрак. И лишь когда Огнезор заметил, как слипаются глаза у его собеседницы, позволил наконец ей уйти.

— Сам охотницей займешься? — уже зная ответ, спросила напоследок подмастерье.

Юноша лишь многозначительно ухмыльнулся, закрывая за ней дверь.

— Все ясно, — мрачно выдохнула Слава и побрела к себе, вглядываясь в пустые ночные коридоры в тщетной надежде сорвать злость на попавшемся под руку дежурном.

Очень удивилась бы девушка, так близко в свое время столкнувшаяся с привычным Огнезоровым безразличием ко

всему, кроме дел Гильдии, знай она, какие сны одолевали мастера той ночью.

А виделось ему, как и всегда после долгой бессонницы, слепящее мелькание весенних пятен солнца на ледяной, вскипающей на камешках воде мелкой горной речушки. И слышалось веселое журчание да легким колокольчиком звенящий, смутно знакомый девичий смех. И сам он виделся — пятнадцатилетний мальчишка, замерзший и растрепанный, тонущий безнадежно в сиянии больших зеленых глаз, дрожащий от касания травой болотной пахнущих ладоней и чьих-то теплых, мягких губ... Лица вот только он никак не мог увидеть, сколько ни старался.

Сон появился год назад. И понимал Огнезор, что это прорываются через поставленный мастерами Гильдии заслон его прошлые воспоминания — из того неизвестного времени, когда он носил совсем другое имя и еще чувствовал, как и все, при ранениях боль (ни того ни другого сейчас он уже не помнил). И знал он, что должен сообщить немедленно о проявившейся памяти кому следует — чтоб навсегда закрыть ей доступ в свое сознание, сохранив привычное, необходимое убийце равновесие. Знать-то он знал, но упорно искал отговорки — ни к кому не шел и ничего не делал. Потому что в глубине души хотел видеть этот сон снова и снова: чтоб упиваться им, заполнив отупляющую пустоту внутри, чтоб просыпаться по утрам с дурацкой улыбкой, вроде сегодняшней.

История с охотницей пробудила в нем острое любопытство, почти азарт. Не было здесь ничего общего ни с лордами-интриганами в укрепленных, охраняемых замках, ни с мятежными генералами с их крохотными, но вооруженными до зубов и злыми от безысходности армиями. Ничего общего с обычной грязной, изнуряющей, кровавой рутинной.

Зато была загадка, дразнящее обещание хитрой игры, равного, нелегкого поединка, в котором, возможно, не он даже будет победителем...

Приказ на охотницу принесли рано утром — аккуратно, дотошно оформленный, со всеми печатями и датой двухнедельной давности. Сразу видно, заждались здесь высокого мастера! С прошением даже по этому делу обращаться не пришлось. При виде плотной, с вензелями бумаги не смог Огнезор сдержать язвительной усмешки.

К приказу прилагалась смехотворно тоненькая книжица с

описанием обстоятельств кражи да материалами на охотницу. А вскоре подospel и вчерашний ученик со стопкой коряво исписанных листков из Архивов — всю ночь бедняга там просидел, что ли? В их изучение юноша погрузился с удовольствием. Через час он уже знал с полсотни забавнейших историй с Лаиным участием, безнадежно проигнорировав завтрак и три настойчивых приглашения на беседу от других мастеров. Через два, отбросив откровенные нелепицы, отобрал из этих историй все наиболее вероятное и полезное, тщательно создавая в своем сознании образ предстоящей соперницы. К полудню Огнезорово восхищение Насмешницей переросло почти во влюбленность, так что он даже начал подумывать отказать от приказа (в конце концов, кто-то, кто так отчаянно борется за свою жизнь, вполне имеет на нее право!), но вспомнил затем, что именно она украла, и тут же погасил в себе всякую благожелательность. Ибо человек, способный стащить у Гильдии одну из самых тайных ее вещей, просто не имеет права на существование.

— Прости, Лая, но чтобы жить, тебе придется и со мной справиться, — мрачно заметил он тоненькой книжице с «делом», отодвинув на этом все размышления об исходе его новой «охоты», собственно, до момента этого исхода.

Когда гонг созывал учеников к обеду, и с постным выражением лица да подносом, полным всяческой снеди, к нему вошла Слава, юноша, погруженный в изучение бумаг, даже не поднял глаз.

— Ты совершенно забыл о еде, — укоризненно заметила она, сгребая в кучу разбросанные на столе листки, чтоб освободить место для подноса.

— Я получил приказ на Насмешницу, — довольно сообщил мастер.

— Кто бы сомневался! — не сдержала девушка ядовитого фырканья. — Опять идешь по следу?

— Все лучше, чем сидеть на месте и глупеть от скуки, — отмахнулся от ее сарказма Огнезор. — К тому же это совершенно особый случай. Вот посмотри!

Он стал показывать ей свои выписки, пичкая фрагментами историй, дурацкими песенками вперемешку с цитатами из прежнего расследования. Слава была непроницаема. Она сохраняла на лице каменное выражение и лишь недоуменно

пожимала плечами в каждой вопросительной паузе из его тирады.

— Расскажи толком, ты нашел что-то интересное? — перебила она наконец раздраженно.

— Еще бы! История эта с самого начала вызывала у меня множество вопросов. Например, зачем Лая задержалась в Краме на целых три или четыре дня? Почему кружила на месте, не слишком даже скрываясь? Не верится как-то, что человек, способный выкрасть Книгу у Гильдии, может так вести себя просто из беспечности!

— И почему? — переспросила Слава.

— Думаю, она ждала от кого-то весточку. А поскольку Книга, как мы знаем, была передана заказчику, разумно предположить, что этим «кто-то» был ее посредник. Охотники никогда не действуют напрямую. А если так, то и в пригород она к посреднику выбиралась — оттуда ведь дорога только в море или назад, к городским воротам... Потому и стал мне интересен еще вчера тобою упомянутый Реми. Следующий вопрос: что мы знаем о загадочной этой личности, и куда она подевалась? В этом смешном отчете, — он указал Славе на тонкую черную книжицу, — о почтенном господине Реми неизвестного происхождения и рода деятельности всего две строчки: «Полезный человек при императорском дворе, по ходатайству высоких чиновников преследование вестись не будет. В просьбе о прямом, принудительном взаимодействии отказано».

— Чего удивляться-то? — покосилась на книжицу девушка. — Скользкий господин со связями всегда с имперскими бумагомарателями договориться сможет! Если, конечно, на него связей посильнее не найдется...

Она со значением посмотрела на Огнезора, но тот лишь отрицательно покачал головой:

— Рано мне еще открыто влезать в свару Домов и Гильдии. Сейчас роль мелкого лорда при дворе куда полезнее. — Брови его недовольно сдвинулись, пальцы затеребили книжицу, загибая-разгибая уголок кожаной обложки. — Хотя то, что этот Реми знает, очень пригодилось бы — ведь он к охотнице единственная ниточка! Надо бы, конечно, его поспрашивать. Кто эта Лая, куда могла направиться, что ей в столице понадобилось? Ведь не сунулась бы она сюда только ради шуточки с трупом под нашими окнами! А самое интересное: почему же все-таки мастера, что работали с памятью свидетелей, не

смогли ни у кого выудить ее точного портрета? А ведь видели ее — вплотную и многие!

Слава могла только еще раз пожать плечами. История охотницы, и без того запутанная, в изложении Огнезора начала выглядеть почти сверхъестественно.

— Это все и правда странно, — словно отвечая ее мыслям, спокойно продолжал мастер. — Но, с другой стороны, вполне согласуется с байками о Насмешнице, что ходят среди городской черни. А отсюда, по-моему, следует, что не все в них вранье и что наша охотница действительно обладает некоторыми, скажем так, «талантами». Умением становиться незаметной даже в самых людных местах. Способностью очаровывать и внушать кому угодно дружелюбие. Талантом не оставлять по себе воспоминаний, наконец. Ничего не напоминает?

— Самые распространенные психические воздействия, — недоверчиво хмыкнула Слава. — Прости, Огнезор, но уж это никак не возможно! Такие вещи нельзя освоить самостоятельно, это я говорю тебе как учитель мастерству Разума. Да ты и сам знаешь — вспомни свои первые уроки!

— Невозможно? Как же быть тогда с амулетами, Слава? И сундук и книга были утыканы ими, но ни один не сработал!

— Умелые воришки — не такая уж редкость, — уже не столь уверенно буркнула девушка.

— Только не тогда, когда амулеты лучшие мастера Гильдии заряжали! — отрезал он. — Сама охотница, конечно, обучиться не смогла бы. Но ведь не всех же людей с даром собрала в себя Гильдия! Я слышал, например, что есть некоторые племена на Северном континенте...

— Это же просто выдумки! — фыркнула Слава.

— Такие же выдумки, как сама Лая-Насмешница? — Огнезор небрежно сгреб со стола пачку одинаковых листков, помахал ими у собеседницы перед глазами. — Взгляни-ка сюда! Здесь сто пятьдесят восемь прошений на ее устранение только за последние пять лет! И пусть до сих пор не было ничего настолько серьезного, чтобы Гильдия сочла необходимым вмешаться, но подписи под некоторыми из этих бумажек весьма впечатляют! Чересчур для вымышленного персонажа народных баек, ты не находишь?

Слава растерялась. Коряво исписанные бумажки-прошения насмешливо пялились на нее всеми ста пятьюдесятью во-

сьмью своими подписями. Огнезор же, наоборот, вообще не смотрел в ее сторону — опять кружил легкими шагами по комнате, думая о «своей» феноменальной охотнице и совсем забыв об остывающих на подносе обеденных лакомствах. Славе почему-то за них и за себя стало обидно.

«Чтоб он тебя скорее выследил!» — пожелала она в сердцах неизвестной воровке, злорадно представляя себе перечеркнутый красным лист исполненного приказа. Один цветной чернильный крест — одна жизнь, еще один возмутитель имперского спокойствия. И, может, скорее настанет день, когда высокому мастеру Огнезору не надо будет ни за кем гнаться. Может, обратит он тогда и на нее, Славу, высокомерное свое внимание...

— Эй, Слава, — будто в насмешку прозвучали рядом его слова. — Думаю, все же стоит начать с этого Реми. Я отправляюсь сегодня же!

Глава вторая,

в которой один старик переживает множество потрясений, а Огнезор блуждает улочками ночного города

Долголетие — удовольствие сомнительное. Особенно если в молодости городскому уюту ты предпочитал все радости жизни, полной приключений: ночевки под проливным дождем и в болотной сырости, падения с деревьев и скал, нестерпимый зной, обмораживающий холод, укусы насекомых и тварей покрупнее, не говоря уже о стрелах, кинжалах и ядах. Но вот по какой-то нелепой случайности все эти неприятности не причинили тебе немедленного и вполне заслуженного вреда. Считаешь, тебе повезло? Бессонница, ломота и боль, десяток болезней, половину из которых затрудняются определить лекари, старые раны... Добавь сюда одиночество в сочетании с невыносимой скукой — и получишь полную картину справедливого возмездия за все твои выходы, которое приносит старость.

Такие невеселые мысли одолевали старика Сенара — бывшего охотника за тайнами, а ныне — образцового столичного жителя. Была полночь, а он все еще кряхтел и вертелся в своей постели, напрасно пытаясь прогнать бессонницу. Вдруг

черная тень в углу комнаты привлекла его внимание. Старик даже встал и протер глаза: тень не исчезла, наоборот — приблизилась и обрела контуры человеческой фигуры.

— Темный мастер! — удивленно воскликнул Сенар. — Давно люди из Гильдии не навещали мое скромное обиталище.

— Значит ли это, Сенар, что ты забыл о той маленькой услуге, что оказала тебе Гильдия, и о долге перед ней? — Голос был на удивление молодой и — что уж вовсе не вязалось со зловещими темными очертаниями, — завораживающе-приятный.

Человек теперь уже стоял у самой кровати, и старик мог видеть в тусклом лунном свете его скрытую дорогим тяжелым плащом фигуру, длинные светлые волосы, выбивающиеся из-под капюшона, и легкое мерцание двух массивных, закрывающих всю фалангу, перстней на тонких, почти девических пальцах. Лицо незнакомца скрывала маска, так что рассмотреть можно было лишь подбородок, сомкнутые губы да светлую полоску кожи на лбу.

«Мальчишка и фронт, — мысленно удивился Сенар. — Ему бы дамочек богатых охмурять, а не с гильдийными делами путаться». Вслух же он с некоторой долей осторожности сказал:

— Я-то помню обо всех своих долгах, но не слишком ли ты молод, чтобы напоминать мне о них?

Пришельца, однако, замечание старика ничуть не смутило.

— Тебя интересуют знаки моего ранга? — спокойно спросил он.

— Я могу давать информацию лишь мастерам Гильдии, таков был наш уговор, — как бы извиняясь за грубость, пояснил Сенар.

Незнакомец в ответ только молча кивнул. А затем... зажег свечу на прикроватном столике.

Одним лишь касанием пальцев. Старик недоуменно уставился на мерцающий огонек: хоть и повидал он на своем веку немало темных мастеров, но о таком фокусе раньше не слыхивал. Недоумение его сменилось крайним удивлением, когда ночной гость отвернул правую манжету своей рубашки и показал вышитую с обратной ее стороны густую вязь символов.

— Высокий мастер Огнезор! — выдохнул старик. — Я много слышал о тебе, но...

— Не думал, что я так молод? Гильдия нашивает знаки отличия не за возраст, Сенар. Но хватит обо мне. Я здесь по делу.

Старик уселся на кровати поудобнее и приготовился слушать. Как ни странно, но вид он при этом приобрел весьма деловитый, несмотря на одеяло, накинутое на тощие плечи для пушего приличия, и ночной колпак.

— В свое время ты показал себя как человек весьма осведомленный, — начал Огнезор. — Так ли это до сих пор?

— Я, конечно, уже не столь хорош, как раньше, но еще не все связи растерял, — ответил Сенар не без гордости.

— Вот и отлично, — невозмутимо продолжал ночной гость. — Меня интересует некто господин Реми. Слышал о таком?

— Ну кто же не слышал о старике Реми! Он фигура весьма известная! Весь императорский двор свои сомнительные делишки через него обдeldывает. А что конкретно тебе хотелось бы узнать?

— Все, что возможно: кто он, откуда, с чем и с кем имеет дело, какие охотники на него работают, а главное — где его найти. Очень хотелось бы пообщаться лично.

Последнее было сказано таким тоном, что Сенар понял — не повезло старику Реми. Но жалости к старому проныре он не испытывал, к тому же своя шкура, хоть и не менее старая, все же была дороже. А потому и выложил он темному мастеру все, что знал, хотя знал, как оказалось, очень немного.

— Откуда он и где его главное логово, — говорил Сенар, — этого тебе, высокий мастер, никто, кроме самого Реми, не скажет. Хитер старый змей и осторожен. А всяких домов и домиков у него по всей Империи хватает — чуть ли не в каждом городе: понаделал там приемных на манер Гильдии. Охотник-то из него был неважный, а вот посредник при их делах вышел отменный, так что людей своих он обычно не обижает и не выдает. Наоборот, помогает им при всяком случае. И тайну клиента бережет — не подкопаешься. Ему-то совсем не интересно, у кого и что именно его охотники воруют: сам не любопытствует и им не советует. Зато и деньги берет с заказчика немалые. Правда, не за всякое дело берется, но уж как он выбирает, за что взяться, а за что — не стоит, чтоб в неприятности не влезть, — этого я тебе тоже сказать не могу. Наверное, на свое чутье полагается. Где он сейчас, я, конечно, не знаю.

Но вот встретиться с ним могу помочь: пушу слушок через старых знакомых, будто справлялся о нем один богатый клиент, а там он и сам на тебя выйдет.

— Что ж, идея неплохая, — одобрил темный мастер. — Только учти, времени у меня мало.

— Вести быстро находят людей нашего ремесла, — криво усмехнулся Сенар.

— Вот как? — протянул Огнезор, как бы решая, что эту мысль стоит запомнить. — В таком случае я буду ждать вестей в течение недели. Найдешь меня в Краме, в «Королевском заезде».

На этом ночной гость предпочел разговор закончить, мягко скользнув к окну, через которое, похоже, и вошел. Но старика Сенара после упоминания о Краме одолело такое любопытство, что он, не сдержавшись, воскликнул:

— Так это правда, что в Краме охотник украл нечто очень важное у самой Гильдии!

Шш-ш-урх! Черная тень нависла над стариком, тонкие пальцы больно сжали дряблый подбородок, из перстней с сухим щелчком выскочили тонкие лезвия, слегка оцарапав кожу. Сенар опасно скосил на них взгляд.

— Очень не советую проявлять лишнее любопытство в подобных вопросах, — угрожающе прошипел Огнезор. И через миг уже растворился в темноте за окном.

«Когти выпустил, кошка», — растерянно подумал старик.

Затем пришел запоздалый страх, пробрал озноб. Сенар втянул голову в плечи и закутался поплотнее в одеяло. Остаток ночи он присидел, неподвижно уставившись на догоревшую свечу.

Крам к северо-востоку от Небесного города, имперской столицы, испокон веков был грязным портовым поселением, неудобным и никчемным, но с очень выгодным местоположением на главном имперском тракте. Любой, кто хотел из столицы попасть на роскошные восточные курорты, или отправиться в бедные Северные провинции, или, сев на третьесортный корабль, пуститься покорять малонаселенный Южный континент, должен был проехать через здешние ворота. Потому-то и стекались в Крам богатые столичные оболтусы, важные торговцы, обнищавшие крестьяне и просто головорезы всех мастей. Слава о городке шла недобрая, так что неясно

было, как Император вообще терпит такую мерзость под самым боком у своей столицы. Но как-то так получалось, что, сколько ни метали громы и молнии высокие чиновники и благочестивые проповедники в адрес беспутного поселения, сколько ни палили его пожары и ни затапливали океанские пучины, а городишко все жил и даже вполне процветал. Кипела жизнь на загаженных его улочках, весело переругивались матросы и грузчики в порту, шумели переполненные трактиры и гостиницы, толпились путники у всех трех городских въездов.

Вот и сегодня, несмотря на вечернее время, у юго-западных, или «столичных», как прозвали их местные, ворот былолюдно. Потому и пришлось Огнезору придержать коня, чему он вскоре только обрадовался: у самой городской стены, привалившись к нагретому за день камню, мирно беседовал с каким-то нищим оборванцем Сенар собственной персоной.

— Проклятый старикан! — прошипел юноша. — Лично выслужиться решил или, наоборот, вынюхивает?

Возможность столкнуться с этим господином нос к носу никак не радовала: очень уж примечательна внешность у молодого всадника, даже для обычных глаз — не то что для цепкого взгляда бывшего охотника! Запомнит, сволочь, и наверняка узнает! А что с ним делать потом? Убивать, как по правилам положено? Пощадить как ценного осведомителя? Так он ведь не только Гильдии «помогает»...

Раскроешься вот так один раз — а потом следующие десять лет расхлебывать...

Въезжать в город при полном параде — в маске, форме и со всеми регалиями Гильдии — Огнезору тем более не улыбалось: и трех часов не пройдет, как об этом уже весь Крам судачить будет. А Реми не дурак — туда, где Гильдия зашевелилась, не сунется...

Нагнать Сенара, что ли? Пока он этого не ждет?

Очень уж не любил мастер работать на чужих условиях...

Недолго думая он свернул с дороги, спешился, поманив за собой сидевшего у обочины мальчишку.

— Ну, чего надо? — нахально уставился тот. И неохотно добавил, похуже, оценив далеко не бедный вид незнакомца: — ...Господин?

Огнезору ловко извлек из кошелья серебряную монетку, за-

думчиво поиграл ею перед враз загоревшимися глазами малолетнего проходимца.

— Коня моего отведешь? В «Королевский заезд»?

Монетка, блеснув, перелетела мальчишке в ладонь. Тот с оскорбительной ухмылкой попробовал ее на зуб и, прищурившись, спросил:

— А не боишься, господин, что лошадка того... не дойдет?

— Можешь, конечно, рискнуть, — послал ему Огнезор многообещающе-грозную усмешку, снимая с коня свои вещи и передавая поводья.

И хотя ответный — кристально честный — мальчишкин взгляд только укреплял подозрение, что уж этот непременно «рискнет», мастер лишь махнул ему рукой: иди, мол, поскорее!..

Коня, конечно, жалко было. Но беседа с Сенаром сейчас важнее... И потом, кто сказал, что юному проходимцу так просто удастся исчезнуть?

Когда мальчишка скрылся из виду, Огнезор достал из заплечного мешка темный плащ с капюшоном, накинул его так, что в сгущающихся сумерках его лица не стало видно, и, слившись с уныло бредущими у обочины пешими путниками, спокойно направился к воротам.

Сенар как раз распрощался с оборванцем и, по всему, намеревался отправиться в город на поиски ночлега. На быстро темнеющие улочки он ступал с явным опасением, стараясь держаться прохожих, все более редеющих. Наконец старик свернул в мрачного вида переулок, нервно огляделся и поспешно, но с видимым облегчением, зашагал навстречу огням постоянного двора, гостеприимно сияющим впереди. Он уже прошел полпути, когда на плечо ему легла рука с поблескивающим в приближающемся свете перстнем, и знакомый молодой голос произнес:

— Приветствую тебя, Сенар!

Старик дернулся, его пальцы сами собой сложились в знак против злых духов, что, похоже, неожиданного спутника весьма позабавило.

— И тебе привет, высокий мастер, — хрипло ответил Сенар, совладав с испугом. Теперь он с любопытством косился на фигуру в темном плаще, безуспешно пытаясь разглядеть лицо под капюшоном.

Огнезор как ни в чем не бывало продолжал вышагивать

рядом, даже не трудясь убрать руку с плеча спутника. Со стороны они напоминали парочку подгулявших приятелей. Переулочек был почти позади, окна постоянного двора светились у них над головой, оставалось только обогнуть длинную глухую изгородь, чтобы попасть ко входу.

— Не дергайся, Сенар, — наконец произнес юноша. — За тобой тут очень интересные ребята увязались, еще от ворот. Мое появление их, правда, озадачило. Так что тебе же лучше со мной пока не расставаться. Тем более и поговорить есть о чем! Как там наше дельце, кстати?

Сенар открыл было рот, чтоб ответить, как вдруг сзади слышались весьма характерные звуки: зловеющий топот и решительное сопение. Затем что-то просвистело у старика над самым ухом, и он с ужасом отметил краем глаза неприятного вида дубинку, явно целившую в бедную его голову, но вдруг завалившуюся назад вместе с держащей ее рукой. Возня за спиной сменилась хрипом, бульканьем, звуком падающего тела и поспешно удаляющимися шагами.

— Эх, хороший был нож, — сокрушенно вздохнул даже не обернувшийся Огнезор, разминая кисть свободной руки. — Жаль доставать, пачкаться неохота...

Старый охотник дернул было головой назад, в сторону переулочка, но пальцы темного мастера сдавили железной хваткой.

— Ну чего ты там не видел, Сенар? — невозмутимо сказал его спутник, выталкивая старика за угол забора. — Зрелище скучное и малоприятное. Пусть с ним поутру караульные разбираются...

Вот теперь Сенару сделалось по-настоящему страшно, почти дурно! Изящная рука на его плече давила, сковывала все тело, не давая отделаться от мысли, что лишь легкое движение этих пальцев, возможно, отделяет бывшего охотника от заслуженной встречи с заждавшимися уже дьяволами... Плечо мгновенно одеревенело, лицо покрылось капельками пота, а язык неслышно заворочался, повторяя давно забытые молитвы Светлым Богиням...

Наконец нога старика ступила на освещенное тусклым фонарем крыльцо, а Огнезор отодвинулся в сторону, чтобы остаться в тени.

— погоди, Сенар, давай сначала закончим наш разговор, — остановил мастер своего спутника, готового уже забарабанивать в дверь. — Я, кажется, спрашивал тебя о нашем деле.

— Да-да! — нервно зачастил тот. — Я уже оставил весточку в «Королевском заезде», но раз случилась такая встреча... В общем, господин Реми заинтересован. А значит, встретится с тобой. В Краме, через три дня.

— Что ж, я в тебе не сомневался. Надеюсь, не стоит предупреждать, чтоб ты помалкивал?

Сенар энергично закивал.

— Вот и прекрасно. Возьми за заботы, — бросил ему Огнезор увесистый кошель, за который старик ухватился так поспешно, что даже перестал на время дрожать. — Да, и не исчезай пока: у меня есть предчувствие, что мы еще пригодимся друг другу.

Прощальный жест рукой — и вот уже темный мастер растворился в черноте давешнего переулка, а Сенар с облегчением выдохнул и принялся неистово колотить в дверь.

Расставшись с охотником, Огнезор вернулся к городским воротам. Ночь только начиналась, а сон — это бесцельнейшее из времяпровождений — юношу нисколько не прельщало.

Привратник громко храпел в своей каморке, не дождавшись полуночной смены. Одолеть нехитрый запор на двери Огнезору не составило труда. Подойдя к доблестному стражу, он осторожно прикоснулся кончиками пальцев к его виску — и брезгливо поморщился. Лезть в чужие сны — дело непростое, но далеко не приятное. Особенно если спящий — столь грубая скотина и к тому же — пьян...

Впрочем, чтобы найти то, что нужно, много времени Огнезору не понадобилось.

Сегодняшний малолетний проходимец оправдал все его ожидания: через ворота ни он, ни доверенный ему конь не проходили.

«Что ж, — нехорошо ухмыльнулся юноша, — значит, быть охоте!»

Покинув привратника на милость судьбы — и начальства, как раз спешащего на ночную проверку, — он скользнул в черную тень городской стены чуть в стороне от ворот и, закрыв глаза, прислушался...

Бесплотные образы...

Призраки мыслей...

Легкие тени чужих присутствий...

Даже лучшие из мастеров Разума не могут слышать, о чем думают люди вокруг — слишком уж неуловимо, хаотично и

насыщенно это происходит. Воспоминания — другое дело, в них куда меньше болезненной яркости и куда больше порядка. Эмоции — тем более, их способен ощущать даже человек без дара.

Но есть еще тени. Остатки мыслей, воспоминаний и эмоций. Едва заметный шлейф присутствия — словно запах, оставленный на камнях мостовой, стенах домов, в самом воздухе...

Стоит лишь немного прислушаться — и вот уже ночь наполнена бесплотным шелестом. Сотней летучих шепотов.

Как он мог? Собственный отец?..

Неплохо бы выпить. А та милашка...

Радость! Радость! Радость!..

Вот сволочь этот привратник — только бы денег слупить...

Больно-то как! Дьяволы бы забрали этих...

Слезы... слезы... слезы...

Интересно, ждет она меня или нет? А если с этим уже?..

Правильно, господин, спешить некуда. Вот постой еще так, пока я до твоего кошелечка доберусь...

Украли! Воры! Держи-и-и!..

Надо же, «имперский серебристый»! И откуда у оборванца малолетнего такая лошадка?..

Дюжина яиц за какое-то вонючее зелье...

Стоп!

«Имперский серебристый?»

Вот ты и попался!

След начинался далеко в стороне от ворот, у неприметной дыры в городской стене, забранной ржавой решеткой с давно погнутыми, выломанными прутьями, и уводил в самые дебри припортовых трущоб.

Что ж, мальчишка отлично знал все здешние норы!

Моряки, нищие попрошайки, оборванные ребятишки, недовольно ворчащие старухи — след прошел через каждого из них, осев в едва прогретой за день скупым осенним солнцем дорожной пыли.

Вот уж отличная скотинка!..

Цок-цок-цок...

У-у-у, везучий ты, мелкий!..

Кла-си-вая ласадка! Мама, я тозе хосю...

Цок-цок...

А немало ему Агр отвалит за такого зверя! Подкараулить бы потом... Жаль, малец увертливый...

Значит, Агр? Местный главарь? Тем лучше! Дерзкий мальчишка был Огнезору чем-то неуловимо симпатичен — жаль губить такого. А вот здешние крысы — совсем другое дело!..

Обиталище Агра найти было нетрудно — похоже, он личность в этих краях известная. И уже к полуночи юноша стоял у покосившейся стены сарая — когда-то, наверное, портового склада, а сейчас большой развалюхи весьма темного назначения.

Сарай, конечно, охранялся: четверо крепких мужчин коротали время у небольшого костерка — расслабленные, до отращения уверенные в своей безопасности. Огнезор долго прислушивался к их ленивому переругиванию, сливаясь с ночными тенями всего в дюжине шагов от костра, пока ехидная улыбка на его лице не сменилась выражением полнейшей скуки. Знаменитые на всю страну головорезы Крама разочаровали. Да в любом деревенском леске сидят ребята потолковей!

Делать здесь больше было нечего, так что, легко вскарабкавшись за спинами горе-охранников на светящую прорехами крышу, мастер осмотрелся и бесшумно скользнул внутрь — чтобы приземлиться перед самым носом раскормленного увальня с неопратно торчащей бородой и шрамом через всю физиономию.

— Господин Агр? — уточнил юноша, уже и так зная ответ.

— Мм... — Агр, столь дерзко оторванный от подсчета дневной добычи, даже не нашелся, что сказать.

Огнезор, впрочем, и не собирался терять время на объяснения. Одной рукой он ловко выудил кинжал из ножен на поясе опешившего бандита, а другой сжал ему щеки так, что широкие губы уморительно сложились в трубочку, словно у маленького ребенка.

И хотел-то юноша всего лишь слегка заморочить голову: немного благосклонности да невнимательности — и застигнутый врасплох соперник сам отдаст все, что только мастер пожелает. Не то чтобы Гильдия одобряла подобное, но и не совсем запрещала. А тут к тому же повод был...

Однако касаться Агра голыми пальцами было серьезной ошибкой. Эхо случайных образов, даже издали достаточно гнусных, тут же болью отдалось в несчастной Огнезоровой

голове. Будь противник чуть проворнее — эта оплошность могла бы дорого обойтись...

— Ох, ну и сволочь ты! — прошипел Огнезор, с трудом подавив подкатившую к горлу тошноту да всюю проклиная недавно возросшую свою восприимчивость.

Как же жалел он иногда, что убивать темному мастеру без приказа или угрозы для собственной жизни запрещено строго-настрого!

«Но в мыслишках-то его покопаться никто не запрещает!»

Лишь немного подтолкнуть... Человеческий разум — штука хрупкая, так легко срывающаяся в безумие. Один несильный, но разрушительный удар — и бедняга Агр уже расползается в блаженной улыбке, умильно выпуская из уголка рта тоненькую струйку слюны...

Наверное, убить его было бы куда милосердней.

Три Агровых сотоварища, как раз подоспевшие на подмогу, неуверенно замерли в двух шагах, опешив от увиденного.

— Ну что вы стали! Не видите — господину плохо! Помогли бы, что ли! — прикрикнул на них юноша.

Двое тут же подхватили начавшего оседать Агра, а третий принялся заботливо хлопотать вокруг него. Огнезор же спокойно прошел к дальней стене сарая, где неохотно жевали сено две разномастные лошадки да презрительно похрапывал в их сторону знакомый серебристо-серый жеребец, расседлать которого новые владельцы так и не сумели — уж больно зловредного характера оказалось неожиданное приобретение.

Появление хозяина конь отметил раздраженным фырканьем — мол, явился наконец! — но сразу же смилостивился, склонил голову для небрежной ласки, позволив затем вести себя на поводу.

Тут уж хлопочущая возле Агра троица опомнилась окончательно, но, видно, внезапный недуг главаря все же посеял в них опасения. Напасть на пришельца немедленно они не решились — зато принялись громко вопить, вызывая на подмогу тех, кто был снаружи. Ворота распахнулись, и влетели четверо знакомых, настроенных весьма воинственно.

— О! Теперь-то, кажется, ситуация и впрямь становится угрожающей для жизни! — весело сообщил Огнезор своему коню. — Постой-ка тут, милый, — добавил он успокаивающе. Затем сбросил плащ и сделал первый прыжок, на ходу выпуская из перстней два лезвия...

Когда через пять минут створки ворот вновь приоткрылись и мастер вышел, ведя за собой возмущенно всхрапывающего жеребца, позади остался лишь обрюзгший увалень с улыбкой идиота да семь залитых кровью тел.

Глава третья, *где старый мастер сетует на судьбу, а Реми встречает опасного молодого человека*

«Королевский заезд» в Краме считался гостиницей самой роскошной, хотя по столичным меркам местечко это было довольно убогое: непривлекательное каменное здание с красной черепичной крышей и крохотными окошками, кичливо выставившее напоказ огромную безвкусную вывеску. Его небольшие, заставленные мебелью комнаты на двух этажах и мансарде представляли собой весьма своеобразное понимание уюта по отнюдь не умеренным ценам. Однако, несмотря на множество неудобств, откровенно плохую кухню и весьма невежливую прислугу, слава о гостинице летела по всей Империи, ибо предприимчивые ее хозяева, всюю используя скверную репутацию Крама, умело завлекали сюда богатых разгильдяев, оболтусов и просто охотников до развлечений, превратив свое скромное заведение в место постоянных и далеко не всегда праведных увеселений.

Распорядок дня в «Королевском заезде» был таков: в шесть утра падающая с ног от усталости прислуга разводила по номерам уснувших — кто на столе, а кто и под столом — постояльцев. Ровно в семь просыпались три горничные и кухарка — первые принимались за уборку, вторая отправлялась на кухню растапливать огромную печь и стряпать завтрак для ранних гостей. В восемь, когда большой зал был приведен наконец в порядок, спускалась из своих покоев в мансарде хозяйка. Она бесцеремонно обходила номера, выясняя, все ли постояльцы добрались туда, куда надо, и нет ли среди них какой пропажи; затем осматривала кухню, распекая кухарку, и большой зал, ругая горничных. После этого неременного ритуала почтенная дама начинала подсчет вчерашних убытков. Сюда входили: разбитая посуда, разломанные столы, скамьи и стулья, побитые оконные стекла, а также счета лекаря,

осматривавшего пострадавших в потасовке слуг, и небольшая мзда местному блюстителю порядка. Когда час спустя подсчеты, сопровождаемые горестными вздохами, заканчивались и хозяйка в компании слуги отправлялась на рынок, спускался наконец хозяин, важно становился за конторку, открывал большую книгу записей и начинал подсчитывать вчерашнюю прибыль. К этому времени просыпались первые постояльцы, выходили из номеров заспанные гостиничные девочки, приходил главный повар. В десять утра в большом зале подавался первый завтрак.

К полудню жизнь в «Королевском заезде» уже кипела во всю. Суетились разносчики и горничные, подъезжали и отъезжали экипажи, здоровались, вымученно улыбаясь друг другу, проснувшиеся гости, настраивали инструменты местные музыканты, а из кухни постепенно распространялись сомнительные запахи. Пик всей этой суматохи приходился на время обеда, когда в большом зале собирались не только окончательно пришедшие в себя постояльцы, но и богатые горожане, в том числе и дамы, питающие надежду соблазнить какого-нибудь проезжего лорда. Но если обед проходил в атмосфере веселья еще довольно чинного, то уж потом начинался настоящий разгул, и к полуночи большой зал гостиницы мало чем отличался от припортового кабака, где благородные господа запросто могли сойти за подгулявших матросов, а дамы, не успевшие улизнуть вовремя, — за гостиничных шлюх, в обнимку с коими они распевали весьма неприличные куплеты.

Это время более всего не любил мастер Ночебор — глава местного отделения Гильдии. Очень уж хлопотно было в подобном беспорядке уследить за всем, что происходит! Недаром именно в такой час увела воровка Малую Книгу прямо из этой самой комнаты, которую, получив известие о приезде столичного высокого мастера, охранял ныне Ночебор сам лично и при полном параде — в форме со знаками Гильдии, в маске и при оружии. Воровство это больно ударило как по его немногочисленной провинциальной Гильдии (четверо из семерых погибших были его людьми), так и по личной репутации самого мастера Ночебора. Потому-то и не сулила ничего хорошего весть о прибытии человека из столицы. И тем более обеспокоился старый мастер, когда посланный к воротам условленное время ученик вернулся один, без высокого гос-

тя. Нет, обвинений в причастности к пропаже Ночебор не боялся — ни он, ни его люди к истории с книгой отношения не имели и обязанности свои исполняли добросовестно. Но дополнительное расследование было чревато кучей других неприятностей, ибо, в маске или без нее, Ночебора в Краме, без преувеличения, знала каждая собака.

Оно и неудивительно — городок небольшой, а мастер жил здесь уже более пятидесяти лет. Конечно, лет сорок назад он пришел в неопиcуемый ужас, когда обнаружил вдруг, что личность его не является секретом ни для кого в городе. Но постепенно свыкся с этой мыслью и вскоре оставил маску лишь для официальных приемов в Гильдии и для всяческих проверок, только во время которых население Крама неожиданно переставало его узнавать, впрочем хитро ему подмигивая за спиной у проверяющих.

Более того, среди местных жителей Ночебор явно пользовался заметным влиянием. На всех городских торжествах вместе с градоначальником да прочими высокими чинами обязательно и темный мастер присутствовал, еще и с супругой (не то чтобы они венчались — такому, как он, даже входить в храм заказано! — но иначе как мужем и женой никто в городе их назвать бы не осмелился). Ночебор к тому же нередко привлекался к решению различных городских проблем и даже был избран мировым судьей, что, конечно, совсем уж ни в какие ворота не лезло. Но такая жизнь ему, чего уж скрывать, нравилась, и вот теперь ей должен был прийти конец. Оттого и тосковал старый мастер, стоя на своем ночном посту у пустой опечатанной комнаты в «Королевском заезде».

— Что-то совсем ты загрустил, дружище! — вывел Ночебора из задумчивости голос толстяка Шоффа, хозяина гостиницы и, кстати сказать, родного брата его дорогой супруги. — Вот, мастер Ночебор, принес тебе стаканчик для поднятия настроения и укрепления сил.

— Спасибо за заботу, — благодарно улыбнулся мастер. — Мне, похоже, здесь всю ночь торчать. А может, и не одну.

— Что, начальство прибывает? — сочувственно покачал головой Шофф, рассматривая официальное убранство Ночебора.

Тот ничего не ответил, лишь вздохнул тяжело и устало присел на скамью в нише у двери. Старые ноги ныли немилостиво.

сердно, да и сон одолевал — не то что в молодости. Толстяк-хозяин уселся рядом.

— Эх, господин Шофф, плохи мои дела. Это ведь не то что чины из ратуши: если проворуется кто или там начальству не угодит — так уволят, и дело с концом. От нас же так просто не уходят. Одна дорога — на тот свет... Если сразу не отправят, так сгноят где-то в болотах. — Ночебор даже всхлипнул горестно, так ему себя жалко стало. И подумал тут же, что не тот уж он совсем, расслабила спокойная жизнь, размягчила. — Я-то что, — как бы устыдясь своей слабости, продолжил он. — Вот Крустина моя как же и доченька наша Марита. Не пожалеют же...

— Ты это брось, не надо! — быстро заговорил Шофф. — Еще ничего не стряслось, а там, глядишь, и обойдется. А о дочке ты правильно подумал: я тебе как раз сказать хотел, что здесь твоя красавица, совсем стыд потеряла!

— Здесь?! Вот негодница! Никакого сладу с ней не стало! — за праведным отцовским гневом тут же позабыл все свои терзания Ночебор. Мысль о том, что единственная его дочурка — милый ребенок, кровиночка, мерзавка негодная, розга по ней плачет! — пока он здесь комнату пустую неизвестно от кого стережет, там с приезжими хлыщами выплясывает (если не что похуже!), стала для него последней каплей.

Мастер беспокойно поерзал на скамье, затем встал, гневно засопев, окинул взглядом совершенно пустой коридор и решительно ухватил Шоффа под локоть:

— Ох и получит она у меня! Пошли!

Хозяин только одобрительно поддакивал, ведя Ночебора к боковой дверце, выходящей в скрытый за спинами музыкантов закоулок большого зала. Где, к слову сказать, сегодня царило особо рьяное и шумное веселье!

Уже откупорены и выпиты были два лучших бочонка хозяйского вина, причем пьяны были все — от гостей до путающихся в ногах разносчиков и весело отплясывающих в обнимку с разодетыми кавалерами горничных. Музыканты явно не попадали не то что в ноты, но даже по струнам, а обычно такой строгий и солидный гостиничный повар заплетающимся языком пытался что-то спеть, но ему никак не удавалось первое слово.

— Да что же здесь творится, господин Шофф? — в изумлении выпучил глаза Ночебор.